

Денщик и офицер

Автор:

Всеволод Гаршин

Денщик и офицер

Всеволод Михайлович Гаршин

«– Разденься! – сказал доктор Никите, неподвижно стоявшему устремив глаза в неизвестную далекую точку.

Никита вздрогнул и торопливо начал расстегиваться...»

Всеволод Михайлович Гаршин

Денщик и офицер

– Разденься! – сказал доктор Никите, неподвижно стоявшему устремив глаза в неизвестную далекую точку.

Никита вздрогнул и торопливо начал расстегиваться.

– Живей, братец! – нетерпеливо крикнул доктор. – Видишь, сколько вас здесь.

Он показал на толпу, наполнявшую присутствие.

– Поворачивайся... очумел... – заговорил в помощь ему унтер-офицер, приставленный к мере.

Никита заторопился, сбросил рубашку и штаны и остался совершенно нагим. Нет ничего прекраснее человеческого тела, – множество раз было говорено кем-то, когда-то и где-то; но если бы тот, кто в первый раз произнес это изречение, жил в семидесятых годах текущего столетия и увидел голого Никиту, он, наверно, взял бы свои слова назад.

Перед присутствием по воинской повинности стоял низенький человек, с несоразмерно большим животом, унаследованным от десятков поколений предков, не евших чистого хлеба, с длинными, вялыми руками, снабженными огромными черными и заскорузлыми кистями. Его длинное неуклюжее туловище поддерживали очень короткие кривые ноги, а всю фигуру венчала голова... Что это была за голова! Личные кости были развиты совершенно в ущерб черепу; лоб узок и низок, глаза, без бровей и ресниц, едва прорезывались; на огромном плоском лице сиротливо сидел крошечный круглый нос, хотя и задранный вверх, но не только не придававший лицу выражения высокомерия, а, напротив, делавший его еще более жалким; рот, в противность носу, был огромен и представлял собою бесформенную щель, вокруг которой, несмотря на двадцатилетний возраст Никиты, не сидело ни одного волоска. Никита стоял, понурился, сдвинув плечи, повесив плетьюми руки и поставив ступни носками немного внутрь.

– Обезьяна, – сказал полненький живой полковник, воинский начальник, наклонясь к молодому и тощему, с красивой бородой, члену земской управы. – Совершенная обезьяна.

– Превосходное подтверждение теории Дарвина, – процедил член, на что полковник одобрительно помычал и обратился к доктору.

– Да что, конечно, годен! Парень здоровый, – сказал тот.

– Но только в гвардию не попадет. Ха-ха-ха! – добродушно и звонко закатился полковник; потом, обратись к Никите, прибавил спокойным тоном: – Через неделю явись. Следующий, Парфен Семенов, раздевайся!

Никита начал мешкотно одеваться, руки и ноги не слушались его и не попадали туда, куда им следовало. Он шептал что-то про себя, но что именно – должно быть, и сам не знал; он понял только, что его признали годным к службе и что через две недели его погонят из дому на несколько лет. Только одно это и было

у него в голове, только одна эта мысль и пробивалась сквозь туман и оцепенение, в котором он находился. Наконец он справился с рукавами, опоясался и пошел из комнаты, где происходило освидетельствование. Старик лет шестидесяти пяти, маленький, совсем согнутый, встретил его в сенях.

– Забрили? – спросил он.

Никита не отвечал, и старик понял, что забрили, и не стал расспрашивать. Они вышли из управы на улицу. Был ясный, морозный день. Толпа мужиков и баб, приехавших с молодежью, стояла в ожидании. Многие топтались и хлопали руками; снег хрустел под лаптями и сапогами. Пар валил от закутанных голов и маленьких лохматых лошадемок; дым поднимался из труб городка прямыми высокими столбами.

– Взяли, Иван, твоего-то? – спросил старика дюжий мужик в новой дубленке, большой бараньей шапке и хороших сапогах.

– Взяли, Илья Савельич, взяли. Захотел Господь обидеть...

– Что ж ты теперь делать будешь?

– Что ж тут делать... Воля Господня... Один в семье был помощник, и того нет...

Иван развел руками.

– Тебе бы его раньше усыновить, – внушительно сказал Илья Савельич. – Вот парень и был бы цел.

– Кто ж его знал! Ничего нам этого не известно. Опять же он у меня заместо сына, один работник в семье... Думал так, что господа уважат. «Ничего, говорит, невозможно, потому – закон такой». Как же, ваше благородие, говорю, закон, когда у него жена тяжелая? Опять же мне, говорю, ваше благородие, одному невозможно... «Ничего, говорит, мы этого, старичок, не знаем, а по закону, как есть он сирота, одиночка – должен на службу. Кто виноват, говорит, что у него жена и сын, вы бы еще пятнадцатилетних венчали». Я ему еще сказать хотел, так он и слушать не стал. Осерчал. «Отстань, говорит, тут и без тебя дела много»... Что ты станешь делать... Божья воля!

- Парень-то он у тебя смиренный.

- Смирный да работающий, и боже мой! Слова супротивного от него не слышал! Я, Илья Савельич, так скажу: лучше родного он мне был. То-то и горе наше... Бог послал, Бог и взял... Прощайте, Илья Савельич, вашего-то, поди, не скоро осмотрят?

- Как начальство!.. Но только моего годным признать нельзя - хром.

- Ваше счастье, Илья Савельич.

- Побойся ты Бога, что ты городишь! Эко счастье, что сын хромой уродился.

- Что ж, Илья Савельич, оно к лучшему выходит: все ж дома парень останется. Прощайте, будьте здоровы.

- Прощай, брат... Что ж ты должок-то, забываешь, что ль?

- Никак невозможно, Илья Савельич, то есть - вот как, никак нельзя! Уж вы малость пообождите. Горе-то у нас такое!

- Ну, ладно, ладно, поговорим еще. Прощай, Иван Петрович.

- Прощайте, Илья Савельич, будьте здоровы.

Никита в это время отвязал от тумбы лошадь; они с приемным отцом уселись в сани и поехали. До их деревни было верст пятнадцать. Лошаденка бойко бежала, взбивая копытами к омыя снега, которые на лету рассыпались, обдавая Никиту. А Никита улегся около отца, завернувшись в армяк, и молчал. Старик раза два заговорил с ним, но он не ответил. Он точно застыл и смотрел неподвижно на снег, как будто ища в нем точку, забытую им в комнатах присутствия.

Приехали, вошли в избу, сказали. Семья, состоявшая, кроме мужчин, из трех баб и троих детей, оставшихся от умершего в прошлом году сына Ивана Петровича, начала выть. Парасковья, Никитина жена, сомлела. Бабы выли целую неделю.

Как прошла эта неделя для Никиты – известно одному Богу, потому что он все время молчал, храня на своем лице одно и то же застывшее выражение покорного отчаяния.

Наконец все было кончено – Иван свез новобранца в город и сдал его на сборный пункт. Через два дня Никита с партией новобранцев шагал по сугробам большой дороги в губернский город, где стоял полк, в который он был назначен. Одет он был в новый коротенький полушубок, в шаровары из толстого черного сукна, новые валенки, шапку и рукавицы. В его котомке, кроме двух перемен белья и пирогов, лежала еще тщательно завернутая в платок рублевая бумажка. Всем этим наделил своего приемыша Иван Петрович, умоливший Илью Савельича дать ему еще займы, чтобы обрядить Никиту на службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/garshin_vsevolod/denschik-i-oficer

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)